

Си Чэньшуй изо всех сил ударил себя кулаком несколько раз, за что заслужил странный взгляд Цинь Шаня. Он махнул рукой, решив не скрывать больше:

— Что ты на самом деле задумал, старина Цинь? Не скрывай от нас, скажи прямо как есть, нам тоже нужно скоординировать действия.

Неизвестно, задело ли его это обращение нервы Цинь Шаня, но лицо командующего немного смягчилось, и он наконец заговорил:

— Цан Фэн — это ненадежно.

— Это я тоже заметил, — сказал Си Чэньшуй. — Мы раньше видели Цан Фэна, тот парень был шумным и суетливым, совсем не мог усидеть на месте. А сейчас он словно другой человек. Странно.

Пу Цуньси повел глазами, словно о чем-то размышляя.

Цинь Шань посмотрел на него:

— Глава долины Пу, есть какие-нибудь зацепки?

— Нет, нет! Если вы не можете догадаться, то откуда мне знать? — Пу Цуньси с досадой замахал рукой. — Кроме того, я занят лечением вашей девочки, мне совсем не до других дел.

Цинь Шань понимал, что тот злится на него за прежнее игнорирование, поэтому он лишь покачал головой и продолжил:

— Что касается Янь Мобэя, я могу только сказать, что если Янь Мобэй действительно перешел на сторону Сицяна, то тот таинственный человек, который сливал ему информацию, о котором говорил дядя Бай, — определенно он.

Си Чэньшуй моментально осознал, к чему это ведет, и судорожно вдохнул.

— Ты хочешь сказать, что люди Сицяна охотятся за вашим Залом стражи Цинь?! Не сходится. Ведь те убийцы, которых я видел, использовали боевые искусства Центральных равнин.

— В этом и есть проблема.

Цинь Шань продолжил:

— В мире боевых искусств Центральных равнин определенно немало людей, которые уже сотрудничают с Сицяном. Неважно, были ли они принуждены или подкуплены, эти люди теперь враги Великой Ци, а мы до сих пор не знаем, кто они. Враг в тине, я на свету — ситуация неблагоприятная.

— Так что ты собираешься делать? Ты так и не сказал, как ты относишься к тому, что Янь Мобэй перешел на сторону Сицяна. — Пу Цуньси не сдавался, и казалось, его особенно интересовало мнение Цинь Шаня о Янь Мобэе.

Цинь Шань усмехнулся.

— Мое мнение так важно? Лучше спроси его самого.

— Самого? — Пу Цуньси испуганно обернулся, но за спиной был лишь заснеженный дворик, и

больше никого. Пу Цуньси с облегчением выдохнул.

— Ты меня пугаешь!

Пу Цуньси потребовал объяснений, напуганный мыслью, что Янь Мобэй мог призрачным образом оказаться у него за спиной.

— Я тебя не пугал, — Цинь Шань говорил вполне серьезно. — Раз Сяо И распространил те слова Цан Фэна, Янь Мобэю деваться некуда. Через несколько дней, когда представители различных школ и кланов соберутся, само собой станет ясно, стал ли он собакой Сицяна.

Он говорил загадочно, и сколько бы Си Чэньшуй и Пу Цуньси ни пытались выведать больше, Цинь Шань не проронил ни слова. Ничего не оставалось, как только ждать с тревогой на душе предстоящего Собрания героев через несколько дней.

Однако, превзойдя ожидания всех и даже оказавшись вне прогнозов Цинь Шаня, до того как Сяо И успел собрать героев различных школ, люди Сицяна уже прорвали западную границу. Когда военный гонец, весь в крови и спешащий, доставил срочное донесение, полное запаха крови, в столицу.

Пограничный город Западных земель пал! Десятки тысяч людей стали жертвами мечей Сицяна.

Эта новость потрясла двор и простых людей.

В одно мгновение по всем Центральным равнинам, при дворе и за его пределами, воцарилась тревога. А последующие новости приходили одна за другой: 50 000 разбитых пограничных войск были заживо закопаны в пустыне, а главнокомандующий на границе Юй Минвэй был обезглавлен, и его голову насадили на городскую стену. Пограничные города падали один за другим, и территория Великой Ци за одну ночь лишилась огромного куска!

И тем, кто возглавил штурм и взятие первого пограничного города, и срубил голову генералу Юй Минвэю, был новый фаворит при дворе короля Сицяна, генерал Тигровой Силы Гэлигэцэ.

Гэлигэцэ — у него было другое имя, известное каждому в Центральных равнинах: Янь, Мо, Бэй!

...

Хотя и была ранняя весна, западная крепость, пережившая кровавую баню, не ощущала никакой радости пробуждения весны. Простые люди плотно закрывали двери, боясь навлечь на себя смерть, и не осмеливались выходить без нужды, а смех, раздававшийся в городе и за его пределами днем и ночью, принадлежал лишь тем людям Сицяна, что вошли в город и предавались удовольствиям.

— Генерал Гэцэ, ты все время хмуришься, разве здешние красавицы не по твоему вкусу?

Правый генерал короля Сицяна Мули громко хохотал, обнимая полуобнаженную женщину, и пока говорил, его рука уже запустилась под ее одежду, бесцеремонно ощупывая. Рядом с ним воины Сицяна, многие из которых уже развязали одежду своих красавиц и предавались утехам прямо на месте. Внутри комнаты, где горел уголь, стоял тяжелый воздух, и повсюду раздавались развратные звуки.

Человек в белом, которого называли генералом Гэцэ, сидел у окна с бокалом в руке, казалось,

совершенно не обращая внимания на развратную речь перед глазами. Услышав слова, он запрокинул голову и выпил вино, затем обернулся.

При мерцании свечей осветилось его лицо.

В отличие от этих грубых мужланов из Сицяна, у человека в белом были черные волосы и черные глаза, свойственные людям Центральных равнин, лицо красивое и изящное, с оттенком учености, но черты лица, подобные народам Западных краев, были глубокими, словно вырезанными ножом, и казались дикими. В нем смешивались два темперамента, что делало его еще более выдающимся и чистым.

Такая внешность заставила даже тех куртизанок, что были грубо захвачены людьми Сицяна и жили, не зная, увидят ли завтра солнце, не удержаться и красться на него взглядами.

Заметив, что женщина у него на руках отвлеклась, Мули почувствовал некоторое неудовольствие. Он оттолкнул женщину, не заботясь о ее крике боли, подошел к человеку в белом и с вызовом сказал:

— Генерал Гэцэ, кажется, чем-то недоволен. Ха-ха, я и забыл, в генерале Гэцэ течет наполовину кровь свиной Центральных равнин, неужели ты переживаешь за людей Центральных равнин?

Когда он так сказал, другие солдаты тоже отпустили своих красавиц. Головы солдат Центральных равнин были их свидетельством для получения награды по возвращении. Если бы Гэлигэцэ сейчас сказал хоть слово плохое, боюсь, это вызвало бы недовольство большинства военных. В их глазах, разбитые войска Центральных равнин, если убили — так убили, неужели их еще нужно кормить?

— В деле захоронения солдат генерал Мули действительно ошибся, — человек в белом не спеша поставил бокал и ловко уклонился от провокации Мули.

— О? — Мули насмешливо изрек. — Гэцэ, ты действительно считаешь тех свиной Центральных равнин своими соплеменниками?

— Сейчас зима, армия разместилась в городе, как раз нужна рабочая сила. По сравнению с обычными людьми, не имеющими силы сжать курицу, солдаты Центральных равнин, естественно, лучшие рабы. А когда наступит весна и наш народ начнет переселяться для земледелия, понадобится много рабочих рук, — человек в белом усмехнулся. — Генерал Мули, одним приказом ты зря уничтожил 40 000 молодых крепких рабочих рук. Когда король спросит, генерал уже придумал, как ответить?

Мули на миг задохнулся, не зная, что делать. В сердце он скопил злость, но также опасался слов Гэцэ, и мгновенно оказался в проигрыше. И когда он пришел в себя и хотел продолжить искать повод, человек в белом уже перевернулся и спрыгнул со второго этажа.

В несколько прыжков тень человека ушла вдаль.

— Угощение генерала Мули сегодня, верну в другой день.

Оставив Мули, который прыгал от злости и мог только вымещать гнев на наложницах рядом.

Человек в белом вернулся в военный шатер в одиночестве, вошел в свою палатку. Снаружи его палатки все время стояли солдаты на посту, в этот момент не исключение. Поверхностно это

было для охраны безопасности генерала Тигровой Силы, но по сути — для наблюдения за ним.

Наблюдение?

Он сейчас вернулся в Центральные равнины, боясь, что каждый захочет его казнить, и еще есть необходимость в наблюдении? Но король Сицяна в этом пункте никогда не расслаблялся.

Гэлигэцэ, или скорее Янь Мобэй, легонько рассмеялся, одной рукой развязал одежду и рухнул в полог кровати. Он лежал внутри шатра, мышцы слегка вздымались с дыханием, вскоре все тело было в поту. А его дыхание также постепенно стало учащаться.

В сегодняшнем вине ему подмешали возбуждающий яд, он выпил половину, только потом заметил, если бы не вернул раньше, боится, что действительно попал бы в расчет Мули и его компании.

Янь Мобэй горько усмехнулся, нездоровый румянец накатил на щеки, действие яда постепенно проникало в сознание, Янь Мобэй с трудом сохранял половину ясности, с одной стороны настораживаясь от движений снаружи, с другой стороны протянул руку в одежду и вынул кусок ткани, который носил ближе к телу.

Тот кусок ткани был аккуратно сложен, очевидно, его всегда тщательно берегли. Однако, вероятно, из-за того, что его часто брали и вспоминали, он уже немного поистрепался.

Янь Мобэй не обращал внимания, положил ту немного поношенную ткань перед глазами, глубоко вдохнул, дыхание стало еще более учащенным. Он освободил одну руку и начал двигаться ею вниз, из уголков рта вырывались тяжелые вздохи. Янь Мобэй закрыл глаза, словно через запах на ткани вспоминал какого-то человека, изредка выглядывающий взгляд был полон агрессии и голода.

<http://bllate.org/book/16875/1555600>